

М. М. РУБИНШТЕЙН

Виноват ли Кант?

Страшно, когда совершается преступление, но еще ужаснее, когда преступление хотят оправдать, подвести под него известный идеологический фундамент. Такое потрясающее впечатление произвело на культурный мир воззвание немецких ученых¹. В итоге этого выступления немецких ученых, отпавших от лучшего содержания культуры, всплыл на поверхность вопрос о борьбе уже не против Германии, а против какой-то особой германской культуры, обвиненной в зверствах и проступках военной Германии. Эту особую культуру тесно связали с именем великого кенигсбергского философа и обрушились на Канта, кощунственно поставив его имя рядом с поставщиком 42-сантиметровых орудий, Круппом.

Философские споры должны решаться на страницах специальных изданий, но мы решаемся говорить о них в общей прессе потому, что данный вопрос, кажется нам, имеет значение не для философов, а для широких кругов читателей. Верно ли, что в печальных фактах военно-немецкого вандализма повинна вся прошлая немецкая культура? Вправе ли мы видеть в современной борьбе войну против какой-то особой германской культуры, или же мы поступим справедливее, взяв лучшее в германской культуре под свою защиту от ослепленных злобой германских ученых и наших собственных воинственных теоретиков? Виновен ли Кант? И чему он учил в действительности?

Повод к осквернению философии Канта подал его феноменализм — тот самый феноменализм, по поводу которого сломано столько копий на философском поле. Канту поставили в упрек, что он рассматривает мир как явление, что, поскольку речь идет о *познании* (но и только о познании), мы сами создаем тот объект, который мы познаем. Вещей в себе мы не знаем, и как объект познания они для нас отпадают совсем. Это, по мнению одного из наших доморощенных толкователей Канта и предста-

вителей религиозно-философского течения, открывает простор произволу субъекта; и вот, опираясь на неслыханное искажение Канта и игнорируя всякие преграды, этот своеобразный истолкователь решительно шагнул за пределы всякого здравого смысла и объявил Канта повинным в немецких зверствах, так как именно он — немец — дал повод смотреть на все как на продукт субъекта, как на марионеток, — уже не просто в руках субъекта, а в руках *немецкого* субъекта. Мы лишены возможности рассмотреть вопрос с философской стороны на столбцах газеты, для опровержения этой чудовищной нелепости. Но, пожалуй, в этом и нет особой нужды.

К чему это сокрушительное «истолкование» Канта как родного брата Бетмана-Гольвега и Вильгельма? К чему оно, когда у него есть прямые указания и речи, рисующие его отношение к событиям, подобным современным, — все, что нужно для его правильного понимания? И это не случайные цитаты, а труды, к которым неуклонно ведет все его мирозерцание, и прежде всего его этика. Ведь даже в ожесточенной борьбе, и с точки зрения противника, нельзя обвинять за *мнимые* помыслы, игнорируя собственные слова и фактическое учение мыслителя. А в них мы находим непримиримого идейного врага того, что совершила Германия.

В самом деле, Кант выявил и утвердил умопостигаемый характер, возвеличил субъекта не для того, чтобы предоставить ему произвол, но чтобы *возложить на него всю тяжесть непреклонной*, не знающей отступлений и смягчений *моральной ответственности*, человек, и притом человек вообще, для него не только не марионетка, не «пушечное» мясо, он — носитель нравственного закона, он — абсолютная ценность, он — *самоцель*. Пусть читатель заглянет в имеющиеся на русском языке «Основоположение к метафизике нравов» и в «Критику практического разума». Там Кант с непреклонной твердостью, почти с нежизненным ригоризмом говорит, что никакие иные интересы, *никакая нужда* не могут оправдать нарушения великих нравственного закона. Как бы это ни было выгодно или важно личности, от нравственного закона не может быть никаких отступлений.

Для Канта ясно, что пусть лучше погибнет человек, материя, лишь бы осталось незапятнанным его моральное достоинство. В ответ на «Not kennt kein Gebot» («нужда не считается с правилами») современных вершителей судеб Германии Кант от первого и до последнего слова говорит о том, что моральное «веле-ние» (Gebot) не знает и не должно считаться ни с какой нуж-

дой (Not), т. е. Кант диаметрально противоположен этому развратному принципу. Категорическое веление (императив), эта душа этики Канта, поражает как громом современных германцев с их государственным цинизмом. Оно гласит: «Поступай так, чтобы ты пользовался человечеством как в твоём собственном лице, так и в лице всякого другого человека всегда одновременно как целью, и никогда не смотри на него как на простое средство», или «поступай так, чтобы максима, руководящая твоей волей, могла бы во всякое время вместе с тем служить принципом всеобщего законодательства».

Так говорит настоящий, не «выведенный» на посмешище толпы немецкий философ. Таких цитат, прямо противоположных механизации, противоположных принципу «Not kennt kein Gebot», можно привести много с каждой страницы его этических трудов. На оправдание отступления от морали, на ссылку, что Германия не могла, например, не нарушить нейтралитета Бельгии, Кант отвечает грозным, лаконическим выражением, когда речь идет о следовании нравственному закону: «Du kannst, denn du sollst». Ты можешь (не отступать от нравственного закона), потому что ты должен (повиноваться ему). Кант не допускает никаких ссылок на «нужду», — таков истинный Кант.

Но есть ведь и более прямые указания на то, что мог бы сказать Кант о текущих событиях. В «Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht»² (Populäre Schriften, S. 218, изд. Kantgesellschaft) он говорит: «Пока государства затрачивают все свои силы на свои эфемерные (eiteln), насильственные, завоевательные цели и таким образом постоянно задерживают устойчивое усилие к достижению внутреннего образования своих граждан, до тех пор нельзя ждать, что граждане будут не только цивилизованы, но и морализованы. Читая эти строки, можно было бы подумать, что Кант здесь имел в виду именно Германию Вильгельма. Германия Вильгельма и Крупна и Кант здесь оказываются прямо противоположными.

Загляните еще в книжечку Канта «Вечный мир», чтобы увидеть подлинного Канта, а не «выведенного» философским насилием, — Канта, так резко расходящегося с Вильгельмом во взглядах на постоянную армию. Вот что говорит он о международном вероломстве и нарушении нейтралитета (вспомним Бельгию):

«Ни одно государство в войне с другим не должно позволять себе таких враждебных действий, которые сделают невозможным взаимное доверие при будущем мире» (с. 7). Таким духом насыщена вся книжечка Канта, посвященная вопросу

о «вечном мире». Для него вечный мир «не бессодержательная идея, но задача... которая все ближе и ближе подходит к своему решению». И это понятно, потому что он везде, над всем ставит *общечеловеческие* идеалы, «идею человечества». В своей «Педагогике» он выставляет как основной принцип требование: «Дети должны быть воспитаны соответственно *не современному*, но будущему, возможно лучшему состоянию человеческого рода, т. е. соответственно *идеи человечества* и всей полноте его предназначения». В «*Anthropologie*» (изд. Kirchmann, 256) он определяет жизненную задачу человека идеей «*сделать себя достойным человечества*». Там же, с. 239, он называет презрение ко всему иностранному «гордой грубостью»; на с. 245 он ставит в упрек испанцам, что они не знакомятся с другими народами; на с. 248 он хвалит современных ему немцев за отсутствие *национальной гордости*, за *гостеприимство в отношении иностранцев*...

Так думал Кант действительный, не «истолкованный» в угоду толпе, Кант — учитель гуманности и правды. Мы не согласимся застыть на Канте, мы должны дать свое в мирозерцании, не осквернение Канта — не путь, а разрушение пути к правде; это — акт в подлинном духе воинствующего германизма. Разве не учит нас пример германских шовинистов, что это — путь преступления, гибели, самоуничтожения! Если упрекать немцев справедливо, то для этого есть один путь: это — не грязнить Канта и того, что они дали миру вообще, и поставить им в вину *забвение заветов своих лучших людей*, и прежде всего заветов великого Канта. К сожалению, к горькому сожалению, сова Минервы, — как говорил Гегель, — часто начинает свой полет только в сумерках. И вот ученые Германии пошли в хвосте событий. Они в интересах солидарности и ложно понятых интересов позабыли о лучшем, что у них есть. Дело не в германской культуре потому что истинная квинтэссенция культуры одна, а *в отпадении от нее*, в измене ей. На долю России выпало великое счастье бороться за международное право и справедливость, и нам надо желать не только внешних побед, но нам жизненно важны внутренние, культурные победы. Вот почему можно от души пожелать, чтобы вандалские акты, подобные недавнему набегу на Канта, никогда не повторялись.

